

ИЗЪ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Изъ разговора о политикѣ духовенства.

Священникъ.—Вы говорите, что духовенство должно принять участіе въ политикѣ, но для меня это далеко не такъ ясно и безспорно. Я внимательно перечиталъ Новый Заветъ и вынесъ впечатлѣніе, что Спаситель и апостолы всегда имѣли дѣло съ нравственнымъ міромъ личности и не стремились прямо воздѣйствовать на жизнь общественную и государственную. Они признавали всѣ существовавшія тогда учрежденія, мирились со всѣми социальными формами, какъ бы ни были онѣ уродливы. Они не боролись противъ рабства. Когда слушатели предлагали имъ тотъ или другой вопросъ изъ этой сферы, они уклонялись отъ отвѣта. Нѣкто изъ народа говорилъ Христу: „Учитель, скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство“. Но Христосъ отвѣтилъ ему: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ и тутъ же прибавилъ: „берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“ (Лук. 12, 13—15). И нигдѣ во всемъ Новомъ Заветѣ мы не находимъ случая, чтобы проповѣдь Христа и Его учениковъ касалась непосредственно общественныхъ учрежденій, законовъ, правовыхъ и социальныхъ отношеній. Не обязанъ ли послѣдовать этому и пастырь? Къ этой мысли начинаетъ повидимому приходить и католическое духовенство, обыкновенно столь ретивое въ политикѣ. Среди него въ настоящее время все болѣе и болѣе раздаются голоса противъ политиканства духовенства. На католическомъ собраніи въ Германіи, бывшемъ въ прошломъ году, общество Крауса предложило собранію

высказаться противъ вліянія духовенства на своихъ прихожанъ въ направленіи той или другой политической партіи. Въ многочисленныхъ брошюрахъ и книгахъ рѣшительно отстаивается мысль, что политика не входитъ въ обязанность пастыря. „Дѣло пастыря, говорится въ нихъ, учить людей религіи, т. е. любви къ Богу, ближнимъ и самому себѣ и подкрѣплять ихъ дарованными Христомъ благодатными средствами. Этого совершенно достаточно, чтобы вести міръ къ его цѣли. Такъ поступалъ самъ Господь, такъ поступали апостолы и первые проповѣдники христіанства. Они не стремились создать извѣстное политическое настроеніе, не пытались проникнуть въ синедріонъ или сенатъ, а просто распространяли евангельскія истины и одушевляли народъ къ евангельскому дѣланію. Какъ ни тяжело было политическое положеніе христіанъ первыхъ трехъ вѣковъ, мы не видимъ у нихъ и слѣда попытки пріобрѣсть почву посредствомъ политической агитаціи. Они дѣйствовали возвѣщеніемъ благой вѣсти и осуществленіемъ ея въ собственной жизни. Этимъ они преобразовали языческій міръ, и политическій успѣхъ вынאלъ на нихъ долю самъ собою, такъ какъ религіозно воспитанный народъ самъ собою въ политической жизни держался направленія не вреднаго для религіи и требовалъ христіанскаго государства. Пастырь, который путемъ политики захотѣлъ бы содѣйствовать дѣлу христіанства, походить на учителя ариѳметики, который, не научивъ учениковъ четыремъ ариѳметическимъ правиламъ, сталъ бы требовать отъ нихъ рѣшенія практическихъ задачъ и умѣнья вести хозяйственное счетоводство“ ¹⁾).

Не слѣдуетъ ли признать справедливость этого мнѣнія? Не доказано ли оно горькимъ опытомъ католическаго духовенства?

Профессоръ. Надо сознаться, что указанные Вами факты дѣйствительно производятъ сильное впечатлѣніе. Но Вы преувеличиваете и перетолковываете ихъ значеніе. Во всякомъ случаѣ изъ нихъ нельзя дѣлать того вывода, къ какому приходите Вы.

Евангеліе, возвѣщенное І. Христомъ, подобно зерну горчичному, изъ котораго вырастаетъ въ послѣдствіи цѣлое де-

¹⁾ Ср. Церк. Вѣдомости № 4.

рево, дающее пріютъ птицамъ; оно подобно малому количеству закваски, отъ которой киснетъ тѣсто въ три мѣры муки. Евангеліе раскрыло идеальную сущность добра, дало величайшій образецъ самоотверженной любви. Но оно не успѣло проникнуть во всѣ области дѣйствительной человѣческой жизни, освѣтитъ своимъ свѣтомъ всѣ конечныя человѣческія отношенія. Это было дѣломъ послѣдующаго времени. Распространяясь географически, христіанство расширялось и въ человѣческой личности, постепенно подчиняя себѣ и преобразовывая всѣ сферы человѣческой дѣятельности. Христосъ училъ о любви вообще, не касаясь тѣхъ формъ, какія она должна принять въ зависимости отъ социальныхъ положеній людей. Апостолы же не ограничиваются общимъ раскрытіемъ начала любви, но освѣщаютъ съ точки зрѣнія этого начала семейныя и общественныя отношенія людей, выясняютъ взаимныя обязанности мужа и жены, отцовъ и дѣтей, господъ и рабовъ, земледѣльцевъ и жнецовъ (см. напр. Еф. VI; Кол. III — IV; 1 Тим. VI, 2; Іак. V, 4 и др.). Они даютъ подробныя наставленія, какъ устроить жизнь и даже внѣшній строй первохристіанской общины, внушаютъ, напр., обращаться къ суду не официальной власти, а своихъ же христіанъ. Заповѣдуя господамъ относиться къ рабамъ, какъ къ своимъ братьямъ (1 Тим. VI, 2; Филим. 16), они въ сущности призывали къ полному осужденію и уничтоженію рабства. Съ теченіемъ времени христіанство все болѣе и болѣе проникало, не точно выражаясь, въ мелочи частной и общественной жизни, постепенно преобразовывая не только живыя социальные отношенія, но и самое законодательство. Зерно выросло въ дерево и покрылось листьями.

Не совсѣмъ справедливо и Ваше утвержденіе, что Спаситель училъ лишь вѣрѣ и любви, но не касался существовавшихъ тогда общественнаго строя, законовъ и власти. Это часто повторяемое мнѣніе основано повидимому на недоразумѣніи. Забываютъ, что первосвященники, фарисеи и книжники, которыхъ въ присутствіи всего народа рѣзко обличалъ Спаситель, были главными начальниками народа, управлявшими не только религіозною, но и общественною жизнью евреевъ. Они то съ первосвященникомъ во главѣ и составляли главнымъ образомъ синедрионъ — это высшее судилище, совмѣщавшее въ себѣ законодательную, администра-

тивную и судебную власть. Обличать возсѣвшихъ на Моисеевомъ сѣдалищѣ книжниковъ, фарисеевъ и первосвященниковъ такъ, какъ это сдѣлано въ 23 главѣ Матѣ. (ср. 21 гл.), значитъ подрывать всякій нравственный авторитетъ у главныхъ руководителей и начальниковъ народа. Не упускайте изъ виду и того, что у евреевъ религіозные и гражданскіе законы не разграничивались, какъ это у насъ. Каждое религіозное предписаніе было гражданскимъ закономъ, наоборотъ гражданскій законъ былъ религіознымъ требованіемъ. Отсюда критика обычаевъ и законовъ того времени, какая дается въ нагорной бесѣдѣ и другихъ рѣчахъ Спасителя, есть осужденіе столько же религіознаго, сколько и гражданского строя.

Но пусть этихъ фактовъ не было бы. Можно ли изъ отсутствія фактовъ извѣстнаго рода въ евангельской исторіи заключать объ ихъ несовмѣстимости съ пастырскимъ долгомъ? Конечно нельзя. Изъ того, что Христосъ не отвѣчалъ на всѣ обвиненія старѣйшинъ и первосвященниковъ передъ Пилатомъ, конечно не слѣдуетъ, что и апостолы должны были молчать въ подобныхъ случаяхъ. Для выясненія пастырскихъ, какъ и вообще христіанскихъ обязанностей, слѣдуетъ руководиться не столько внѣшними евангельскими фактами, сколько основными христіанскими началами. Если же стать на точку зрѣнія христіанскихъ началъ, то участіе духовенства въ общественной и государственной жизни будетъ очевиднымъ логическимъ выводомъ.

Всевозможныя живыя человѣческія отношенія и ихъ стереотипы—разныя формы общественнаго строя зиждятся всегда на извѣстныхъ нравственныхъ чувствахъ и идеяхъ. Съ моральной точки зрѣнія они являются совокупностью добрыхъ и злыхъ человѣческихъ поступковъ. Отсюда они столько же нуждаются въ воздѣйствіи христіанскаго проповѣдника, какъ и жизнь отдѣльной личности. Отрицать необходимость такого воздѣйствія можно лишь по двумъ одинаково страннымъ основаніямъ, или потому, что пастырь не обязанъ разяснять въ каждомъ частномъ случаѣ обязанности пасомаго; или потому, что онъ можетъ воздѣйствовать одновременно лишь на отдѣльныхъ лицъ, а не на цѣлый классъ, не на все общество. Но развѣ Вы не видите, насколько нелѣпы эти основанія?

Священникъ. Основанія эти конечно наивны. Но пастырь имѣетъ болѣе серьезное побужденіе уклоняться отъ роли общественнаго дѣятеля. Вѣдь общественный и государственный строй неосуществимъ на истинно-христіанскихъ началахъ, на началахъ самоотверженной любви и прощенія. Государственная жизнь съ ея законами, властью, есть въ сущности живое отрицаніе этихъ началъ. Она построена не на христіанской, а на языческой идеѣ справедливости и воздаянія. Такимъ образомъ пастырь, стремясь къ преобразованію общественнаго строя, не будетъ ли примирять непримиримое, вѣчное съ конечнымъ, небесное съ земнымъ, и тѣмъ не отречется ли онъ отъ евангельскихъ идеаловъ, не подмѣнитъ ли ихъ идеалами относительной справедливости, относительнаго добра? Не придется ли ему санкціонировать напр. необходимыя въ государственной жизни средства охраны порядка и власти, противныя христіанской морали? Допустимъ, рѣчь заходитъ о мѣрахъ противъ мятежниковъ. Какъ отнесется къ этому пастырь? Не будетъ ли онъ вынужденъ расписаться подъ дѣяніемъ, которое евангеліе называетъ убійствомъ? Преобразование общественнаго строя подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ безспорно весьма желательно. Но пусть оно будетъ естественнымъ слѣдствіемъ нравственнаго подъема личности, а не результатомъ прямого воздѣйствія пастыря на самый строй.

Профессоръ. Опасеніе Ваше по моему мнѣнію напрасно. Никто не усмотритъ въ формахъ общественной жизни символа вѣры нашихъ пастырей. Никто не потребуетъ отъ нихъ полного примѣненія евангельской морали. Во всякомъ случаѣ справедливость и примитивная гуманность находятся въ той же сторонѣ отъ дѣйствительности, что и евангельскіе идеалы, и всегда будутъ служить посредственной ступенью къ этимъ послѣднимъ. Что же касается противныхъ христіанскому духу репрессій и казней, то духовенство должно употребить все свое вліяніе къ ихъ устраненію. Въ настоящее время даже свѣтскіе политики высказываются противъ тѣхъ и другихъ, всѣ усилія направляя на устраненіе самыхъ поводовъ къ репрессіямъ. Да развѣ въ частной жизни пасомаго не приходится пастырю встрѣчаться съ тѣми же самыми затрудненіями и коллизіями? Что вы скажете напр. солдату, который кается

Вамъ на исповѣди въ убійствѣ челоуѣка по приказанію начальства? И что мѣшаетъ Вамъ сказать всѣмъ то, что Вы сказали бы одному?

Благодаря боязни вводить христіанскія начала въ общественный строй евангельская мораль нашихъ пастырей стала безжизненной. Не примѣняемая къ жизни и хранимая лишь для каеэды, она стала мало по малу забываться ими самими и подмѣниваться чисто государственною моралью. Вотъ напр., на что ясна заповѣдь Христа: „не убій“. А много ли нашлось у насъ священниковъ, выступившихъ съ предложеніемъ отмѣны смертной казни? Очень не много, да и тѣхъ, говорятъ (съ трудомъ вѣрится), за излишнюю вѣрность евангелію одинъ преосвященный лишилъ служенія. Въ концѣ концовъ у насъ не церковь воспитываетъ государство, а государство воспитываетъ церковь. Оттого и происходитъ то, что нѣкоторые духовные представители болѣе годились бы въ департаментъ полиціи, чѣмъ у алтаря Божія.

Священникъ. Согласенъ съ Вами, что не роняя достоинства христіанской морали, можно постепенно преобразовать общественный строй на началахъ христіанскихъ. Но прямое воздѣйствіе на соціальный и политическій строй не противорѣчитъ ли основному понятію христіанской свободы? Пастырь можетъ производить всякія преобразованія въ общественномъ строѣ не иначе, какъ предварительно настроивъ нужнымъ образомъ самихъ гражданъ, такъ чтобы всякая общественная реформа была дѣломъ совершенно добровольнымъ. Признать за пастыремъ право непосредственнаго воздѣйствія на законодательство, — значитъ приписать ему власть въ мірскомъ, а не въ евангельскомъ смыслѣ и ввести въ его дѣятельность элементъ принужденія. Христосъ и апостолы, если и измѣняли общественный строй, то во всякомъ случаѣ никого не обязывали къ этому, а дѣйствовали исключительно чрезъ нравственное воспитаніе общества. Возьмемъ частный примѣръ. Пастырь, напр., долженъ заботиться объ улучшеніи быта рабочихъ. Съ этой цѣлью онъ обязанъ воздѣйствовать на самихъ предпринимателей и стараться склонить ихъ къ добровольному облегченію положенія рабочаго класса. Но едва ли было бы согласно съ духомъ пастырства—не подготовивъ предварительно почвы. вводить законъ, хотя бы и справедливый и гуманный, но

противный желанію предпринимателя. Или, напимѣръ, пастырь пришелъ къ убѣжденію, что крестьянинъ нуждается въ увеличеніи своего земельного надѣла, что добываемыхъ имъ средствъ недостаетъ для его пропитанія. Но онъ едва ли можетъ требовать отчужденія земли у помѣщиковъ вопреки ихъ волѣ. Онъ долженъ склонить ихъ къ добровольной передачѣ земли за извѣстное вознагражденіе.

Профессоръ. Вы правы, батюшка. Въ истинно-пастырской дѣятельности не должно быть принужденія; пастырь не долженъ обращаться къ внѣшнему авторитету и силѣ; онъ не можетъ ничего устанавливать помимо добровольнаго согласія пасомыхъ, вводить въ жизнь формы и законы вопреки ихъ волѣ. Таковъ истинно-церковный принципъ. Правда онъ забытъ въ нашей церковной жизни. Но это не значитъ, чтобы мы забыли о немъ. Этотъ церковный принципъ долженъ быть перенесенъ и въ политическую дѣятельность пастыря, такъ какъ она должна составлять часть его церковной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія соціально-политическая дѣятельность духовенства, строго говоря, должна ограничиться воздѣйствіемъ пастыря на живыя человѣческія отношенія, а не на бумагу, вліять на общество и классы непосредственно, а не черезъ посредство законодательства и внѣшняго авторитета. Такъ въ рабочемъ вопросѣ пастырская дѣятельность лучше всего должна проявиться не въ законодательствѣ государственномъ и не въ образованіи профессиональных союзовъ рабочихъ, не устраняющихъ внутренней розни между рабочими и предпринимателями, а въ такихъ союзахъ, въ которыхъ на началахъ братства принимали бы участіе какъ предприниматели, такъ и рабочіе. Подобные союзы подъ руководствомъ католическаго духовенства съ большимъ успѣхомъ дѣйствуютъ въ Бельгій. Для такого рода общественной дѣятельности духовенства открывается широкое поле. Она должна обнимать всю политическую и соціальную жизнь, все политическое и соціальное законодательство въ его нравственномъ основаніи. Для такой дѣятельности необходима также опредѣленная программа, какъ и для собственно политической дѣятельности. Итакъ и въ политикѣ пастырь долженъ оставаться моралистомъ, проповѣдникомъ, учителемъ, воспитателемъ, но не повелителемъ, законодателемъ, властью.

Общественная (назовемъ ее такъ) дѣятельность имѣетъ передъ политической еще то преимущество, что даетъ пастырю возможность избѣгать постоянныхъ коллизій. Метерлинкъ говорилъ, что все на свѣтѣ отчасти справедливо, отчасти несправедливо. Это приложимо и къ значительной части политики, особенно соціальной. Напр. весьма желательно введеніе 8-часового рабочаго дня, чтобы рабочіе имѣли время не только для нормальнаго физическаго отдыха, но и для удовлетворенія своихъ духовныхъ потребностей. Весьма желательно надѣленіе крестьянъ землею на счетъ помѣщицъей земли, чтобы они имѣли возможность не жить все время впроголодь. Но съ другой стороны введеніемъ обязательнаго закона вы можете существенно повредить интересамъ другихъ, быть можетъ разорить ихъ самихъ и ихъ потомство. Эти коллизіи не лежали бы на совѣсти священника, если бы онъ достигъ тѣхъ же результатовъ не законодательнымъ путемъ, а путемъ добровольнаго соглашенія.

Священникъ. Итакъ, профессоръ, по Вашему мнѣнію, духовенство не должно имѣть мѣста въ законодательномъ собраніи и должно отказаться отъ права быть избранными въ члены Государственной Думы?

Профессоръ. Да, это такъ.

Молодой священникъ. Погодите дѣлать окончательный выводъ. Обратите вниманіе сначала на слѣдующее обстоятельство. Если есть соціальныя вопросы, по которымъ даются различные отвѣты, и притомъ отвѣты, претендующіе на справедливость, въ родѣ вопросовъ о принудительномъ отчужденіи и 8-часовомъ рабочемъ днѣ, то-есть немало такихъ пунктовъ въ соціальной политикѣ, по которымъ двухъ мнѣній не существуетъ. Напр. вопросъ о налогахъ. Даже и тѣ, кому выгодна существующая финансовая система, лежащая главнымъ бременемъ на народной массѣ, не рѣшаются высказываться противъ желательности финансовой реформы на началахъ прямого и прогрессивнаго обложенія. Никто не станетъ отстаивать справедливость ссуды дворянамъ за 3⁰е, крестьянамъ за 4⁰е. Вопросы, относящіеся къ политическому строю, во многихъ случаяхъ также слишкомъ ясны и опредѣленны съ точки зрѣнія справедливости. Напр. вполне очевидно, что губернаторъ, принимавшій то или другое участіе въ погромахъ, долженъ быть преданъ суду, на-

равнѣ съ другими участниками погрома, что офицеръ, истязавшій беззащитную женщину, долженъ быть отданъ подъ судъ одинаково со всякимъ разбойникомъ. Съ точки зрѣнія справедливости граждане всѣхъ національностей должны быть равны передъ закономъ. Всѣ эти и подобные случаи видимо отличаются отъ выше приведенныхъ. Если тамъ, съ точки зрѣнія строгой справедливости, мы наталкиваемся на коллизіи и конфликты, то здѣсь ихъ нѣтъ. Никто не обвинитъ въ этихъ случаяхъ священника въ томъ, что онъ былъ недостаточно справедливъ.

Профессоръ. Сказанное Вами совершенно вѣрно. Но какъ бы ни были справедливы законы, они всегда будутъ заключать въ себѣ элементъ принудительности. Если бы они были для всѣхъ желательны, то участіе духовенства было бы въ такомъ случаѣ совершенно излишне.

Молодой священникъ. Но можно ли отказывать духовенству въ политической дѣятельности за присущій ей элементъ принудительности. Я не стану, конечно, указывать на то, что этотъ элементъ не чуждъ и нашему церковному строю, нашей религіозной жизни. Если это заблужденіе, то конечно однимъ заблужденіемъ нельзя оправдывать другое. Но этотъ вопросъ не такъ еще ясенъ. Въ немъ заключается одна изъ существенныхъ проблемъ христіанской морали. Это—проблема о непротивленіи злу. Вы говорили, что пастырь, какъ истинный послѣдователь Христа, не долженъ употреблять какого бы то ни было принужденія и насилія, будетъ ли то физическое или нравственное—все равно. Вы такимъ образомъ стоите на точкѣ зрѣнія непротивленія злу. Видя несправедливость или насиліе, причиняемая однимъ лицомъ другому, истинный христіанинъ по Вашему мнѣнію не долженъ употреблять никакого принужденія, но долженъ пользоваться лишь силой нравственного убѣжденія. Такъ ли я Васъ понялъ?

Профессоръ. Совершенно вѣрно. Если Вы стоите на другой точкѣ зрѣнія, то конечно Вашъ взглядъ на политику духовенства будетъ другой.

Молодой священникъ. Но не устраняется ли элементъ свѣтской власти и принужденія въ политической дѣятельности духовенства тѣмъ, что пастырь является уполномоченнымъ отъ народа? Избирая пастыря въ депутаты законодательнаго

собранія, народъ заранѣе соглашается со всѣми его законодательными мѣрами.

Профессоръ. Это справедливо юридически, но не фактически. Избраніе въ народное представительство ни въ какомъ случаѣ не означаетъ еще реальной солидарности представителя съ волей всего народа и не исключаетъ принудительнаго элемента въ дѣятельности народныхъ представителей. Рѣшающій голосъ священника всегда будетъ принудителенъ для нѣкоторой части какъ представителей народныхъ, такъ и самого народа.

Молодой священникъ. Но Вы лишаете такимъ образомъ наше законодательное собраніе членовъ, которые могли бы быть и ему, и народу весьма полезными, еслибы сумѣли стоять на почвѣ христіанской гуманности.

Профессоръ. Можетъ быть. Но что же дѣлать? Что нибудь одно: или пастырь, или гражданинъ—политикъ. Несомнѣнно и апостолы были бы весьма полезны въ качествѣ гражданскихъ законодателей и правителей. Но они ими не были и не могли быть, такъ какъ принципъ свѣтской власти и гражданского законодательства совершенно отличенъ отъ принципа церковной и пастырской дѣятельности. Я могу себѣ представить пастыря, ежедневно преподающаго Государственной Думѣ уроки христіанской морали и оцѣнивающаго социальныя и политическія теоріи съ христіанской точки зрѣнія, убѣждающаго всѣхъ и каждого въ необходимости извѣстной реформы; но тотъ, кто участвуетъ въ самомъ законодательствѣ, какъ рѣшающій голосъ, для меня перестаетъ быть пастыремъ и становится политикомъ, гражданиномъ и свѣтской властью.

Не печальтесь о томъ, что Дума можетъ лишиться хорошихъ членовъ. Всякое нарушеніе принципа не проходитъ безнаказанно. Въ концѣ концовъ оно влечетъ за собою гораздо болѣе зла, чѣмъ добра. Ставши на Вашу точку зрѣнія и признавъ право духовенства на политическую дѣятельность, Вы послѣдовательно должны придти къ признанію папской теоріи. На самомъ дѣлѣ, если пастырь можетъ быть членомъ законодательнаго собранія, то почему нельзя себѣ представить и такой законодательной власти и правительства въ государствѣ, которыя состояли бы главнымъ образомъ и даже исключительно изъ духовныхъ лицъ? Конечно съ истинно-

христіанской точки зрѣнія можно себѣ представить такой строй, въ которомъ руководителями общины были бы пастыри. Но такой строй былъ бы не государственный, а церковный. Онъ возможенъ лишь тогда, когда государство превратится въ церковь, когда не будетъ нужды ни въ принужденіи, ни во внѣшнемъ авторитетѣ, ни въ гражданскомъ законодательствѣ. Такой строй долженъ быть конечно идеаломъ для христіанъ. Но въ современномъ государствѣ съ его нецерковными началами духовенству не должно быть мѣста у власти.

Участіе его въ законодательной власти неизбежно повлечетъ къ нарушенію пастырскаго долга. Какъ извѣстно, въ политической жизни господство идеи достигается обыкновенно господствомъ лицъ или партій. Такимъ образомъ духовенство, которое пожелало бы провести извѣстныя реформы законодательнымъ путемъ, должно стремиться къ пріобрѣтенію господства въ Государственной Думѣ, что необходимо влечетъ за собою партійную борьбу со всѣми ея несимпатичными сторонами. Все это противно природѣ пастырства. Наконецъ, дать политическую власть духовенству значить признать, что съ христіанской точки зрѣнія формы могутъ опережать идеи, т. е. новыя формы могутъ быть вводимы путемъ принужденія. Напримѣръ, исходя изъ того, что общественный строй, свойственный первоначальной христіанской общинѣ, наиболѣе отвѣчаетъ христіанскому идеалу, мы можемъ придти къ мысли осуществить теперь же социалистическій идеалъ независимо отъ нравственнаго преобразованія человѣчества, создать общеніе имуществъ независимо отъ общенія сердець. Очевидно это точка зрѣнія не христіанская. Христіанство производитъ революцію идей и чувствъ, но отнюдь не формъ.

Священникъ. Итакъ, профессоръ, Вы рѣшительно противъ участія духовенства въ политикѣ, понимаемой въ узкомъ смыслѣ слова?

Профессоръ. Да. Но я не думаю, чтобы наше духовенство удержалось на этой точкѣ зрѣнія. Если оно нечувствительно къ потерѣ истиннаго понятія церковной власти въ церковной сферѣ, то тѣмъ болѣе оно не замѣтитъ ея въ общественной дѣятельности. А мнимые интересы церкви и, что гораздо хуже, интересы собственнаго сословія настойчиво будутъ тол-

качь духовенство въ политическій круговоротъ. Говорятъ, что человекъ думаетъ не то, что хочетъ, а то, что долженъ (въ силу обстоятельствъ). Это вѣроятно случится и съ нашимъ духовенствомъ. Но думаю, что оно современемъ разочаруется въ своемъ неосторожномъ шагѣ. Мало хорошаго жду и отъ участія представителей духовенства въ Государственномъ Совѣтѣ. Усиленіе внѣшняго авторитета духовенства, *узаконеніе* его вліянія на общество, едва ли принесетъ пользу церкви. Здѣсь мы также видимъ столь распространенное у насъ смѣшеніе понятій о церковной и свѣтской власти.

Священникъ. Какъ же по Вашему должна быть организована общественно - политическая дѣятельность духовенства?

Профессоръ. Само собою понятно, что церковная политика должна отличаться по своимъ способамъ и формамъ отъ свѣтской. Конечно и для духовенства необходима болѣе или менѣе опредѣленная программа дѣятельности.

Эта программа ни въ какомъ случаѣ не можетъ состоять изъ однихъ призывовъ дѣйствовать въ духѣ мира и любви, распространять свѣтъ и правду Христову, освѣщать все свѣтомъ христіанской истины и т. д. и т. д. Эти слова въ сущности не имѣютъ содержанія въ данномъ случаѣ. Для полезной общественной дѣятельности въ духѣ евангелія необходимо знать недостатки современнаго соціальнаго и политическаго строя и ихъ историческія и экономическія причины, надо знать способы, какими можно устранить эти недостатки, не выходя изъ границъ правовыхъ понятій, безъ ущерба для роста культуры, безъ крутыхъ переломовъ народныхъ традицій и т. д. Такимъ образомъ соціально-политическая программа духовенства должна вырабатываться тѣмъ же способомъ, какимъ вырабатываются программы и политическихъ партій. Сравнительное изученіе программъ существующихъ у насъ партій привело меня къ убѣжденію, что со стороны содержанія къ задачамъ духовенства ближе всего стоитъ программа конституціонно-демократическая. Болѣе чѣмъ какая либо другая программа, она даетъ вполне реальныя и вполне легальныя средства къ постепенному осуществленію въ жизни идей свободы и равенства и потому можетъ быть хорошимъ руководствомъ для нашего духовенства. Но не говоря уже о разницѣ въ конечныхъ цѣляхъ

церковной и свѣтской политики, ближайшая тактическая сторона той и другой весьма различна. Тактика свѣтской политики — борьба, церковной — нравственное воздѣйствіе, чуждое всякаго насилія. Напримѣръ, улучшение быта рабочихъ должно достигаться съ точки зрѣнія первой — профессиональными союзами и стачками, вынуждающими предпринимателей къ уступкѣ, съ точки зрѣнія второй — вполне добровольнымъ соглашеніемъ, вытекающимъ изъ чувства гуманности. Понятно, что при такой разницѣ въ тактикѣ не можетъ быть сліянія духовенства ни съ одной изъ политическихъ партій, какъ бы онѣ ни были близки ему по своимъ программамъ. Да такое сліяніе и излишне, разъ духовенство не должно принимать участія въ борьбѣ политическихъ партій и стремиться къ пріобрѣтенію власти. Такимъ образомъ духовенство не должно по моему мнѣнію присоединяться къ существующимъ партіямъ. Въ печати высказывались голоса за образованіе особой партіи, церковной или христіанской. Такая партія можетъ имѣть цѣлью лишь объединеніе дѣятельности духовенства, выработку болѣе или менѣе однообразной программы и взаимную нравственную поддержку членовъ. Но она не должна облекаться въ партійную организацію, свойственную политическимъ партіямъ. Такая организація несовмѣстима съ духомъ церковной свободы, да и совершенно излишня, разъ духовенство не должно принимать участія въ политической борьбѣ.

О представительствѣ клира на соборѣ.

Наши епископы разсуждаютъ иногда очень свободно, особенно тогда, когда дѣло касается не ихъ собственныхъ прерогативъ. Такъ архіепископъ финляндскій Сергій въ своей запискѣ о составѣ собора говоритъ между прочимъ: „Чтобы разрушить въ самомъ корнѣ возможность сословности, необходимо рѣшительно отказаться отъ мысли считать духовенство особой отъ мірянъ, заключенной въ себѣ корпораціей, имѣющей интересы, отличные отъ общецерковныхъ, и потому нуждающейся въ своихъ особыхъ представителяхъ. Если ячейкой церковнаго тѣла у насъ считается приходъ и далѣе епархія, пусть они, а не разные чины Церкви, и посылаютъ своихъ представителей, причемъ этими представи-

телями могутъ быть безразлично и клирики, и міряне“. Преосвященный хорошо видитъ ненормальности въ отношеніяхъ блага духовенства къ прихожанамъ, но повидимому забываетъ о замкнутости и высшей церковной іерархіи, тоже составляющей особую корпорацію, имѣющую интересы отличные отъ общецерковныхъ. Если ячейкой церковнаго тѣла считается приходъ и епархія, а не пресвитеръ и епископъ, то почему бы имъ для устраненія сословности не предоставить права дѣлать выборъ изъ епископа и мірянина, т. е. посылать на соборъ вмѣсто епископа мірянъ? Авторъ проекта хорошо знаетъ, что невозможность замѣнить епископовъ мірянами въ послѣднемъ основаніи поконится на тѣхъ особыхъ полномочіяхъ, которыя даны имъ Божественнымъ Основателемъ Церкви, какъ преимущественнымъ руководителямъ церковной жизни. Но подобныя же полномочія съ особенными же благодатными дарами, хотя и меньшія епископскихъ, но несомнѣнно большія, чѣмъ права всѣхъ мірянъ, имѣютъ и пресвитеры. Дать право приходу и епархіи *безразлично* выбирать представителей на соборъ, мірянъ или пресвитеровъ, значитъ отрицать преимущественныя полномочія послѣднихъ. Можно порадоваться конечно, что преосвященный готовъ надѣлать церковными правами и мірянъ; но жаль, что онъ заимствуетъ эти права не столько изъ богатой епископской сокровищницы, сколько изъ пустой кладовой блага духовенства.

„Церковная газета“.

Въ исторіи нашего церковнаго обновленія былъ одинъ очень опасный моментъ, когда церковь русская едва не смѣнила узы цезаризма на столь же тяжелыя узы клерикализма. И если этого не случилось, то этимъ мы обязаны главнымъ образомъ нашему передовому блгому духовенству. Въ то время какъ высшая церковная власть безъ вѣдома даже епископовъ торопилась учредить патріархатъ для непосредственной передачи ему власти, возвращенной государствомъ, и созвать соборъ изъ однихъ епископовъ — монаховъ, наше передовое пресвитерство, а за нимъ и свѣтское общество, энергично выступили на защиту забытой у насъ соборности и всецерковности. Значеніе этого движенія въ высшей сте-

пени велико, велико настолько, что въ настоящее время нельзя и приблизительно учесть всѣ его возможные громадныя послѣдствія. Было бы большою близорукостью видѣть его въ томъ, что міряне и клирики получаютъ право наряду съ епископами обсуждать вопросы о школахъ, храмахъ, церковныхъ суммахъ, свѣчныхъ заводахъ и т. д. Оно даже и не въ пріобрѣтеніи церковной свободы, которая безъ соборности такъ же немыслима, какъ гражданская свобода безъ представительнаго правленія. Главный смыслъ соборнаго строя въ томъ, что соборная церковь перестанетъ быть гдѣ то внѣ міра или занимать въ немъ маленькій уголокъ; она не будетъ сторониться культуры, знанія, общественности, но обниметъ собою все лучшее, что есть въ человѣчествѣ, соберетъ подъ свои животворящія крылья всѣ зародыши правды Божіей, разсыпанные по землѣ. Тогда придутъ къ церкви и скажутъ ей: „у тебя только Богъ, и нѣтъ иного Бога; только у Господа правда и сила“...

Служеніе такому идеалу христіанской универсальности и вселенскости ставитъ себѣ и весьма симпатичная по направленію и тону *Церковная газета*, издаваемая и редактируемая приватъ-доцентомъ харьковскаго университета свящ. І. І. Филевскимъ. Въ первомъ номерѣ своего изданія, знакомя читателей съ задачами и программой газеты, о. Филевскій говоритъ между прочимъ слѣдующее. У насъ въ православіи преобладаетъ монашескій колоритъ, темные цвѣта. Монашескій бюрократизмъ всюду поддерживаетъ стремленіе къ клерикализму, къ внѣшней власти. Отсюда у насъ главнымъ образомъ разобщенность церкви съ обществомъ, культуры съ христіанствомъ, жизни съ религіей. Нужно единеніе всѣхъ для одного дѣла Божія. Нужно, чтобы политика шла въ ногу съ философіей, культура съ этикой, искусство съ религіей, жизнь съ евангеліемъ. Нужно ввести высшую правду Христову въ жизнь общественную, художественную, научную, промышленную. Эта задача намъ русскимъ близка: мы философы въ жизни, моралисты въ политикѣ, христіане въ дѣлахъ. Мы за христіанскую, вселенски организованную общественность и противъ клерикализма, въ какой бы формѣ онъ ни проявлялся... Церковь только тогда консервативна, когда служитъ инымъ цѣлямъ, кромѣ религіи. Тогда она тормазъ для общества, для свободнаго культурнаго развитія.

Тогда естественна охрана отъ посягательства церковной власти. Но церковь, какъ религіозная организація культурной работы, служить міру, спасаетъ жизнь. Она, какъ организованная общественная сила, собираетъ человѣчество во имя святыхъ идеаловъ братства, равенства и свободы, завѣщанныхъ міру Христомъ, забытыхъ людьми...

Пожелаемъ, чтобы эти возвышенныя желанія, одушевляющія наше лучшее пресвитерство, не остались святыми мечтами. Богъ въ помощь!

В. Мышцынъ.

22 Марта.
